

«Неделя» впервые публикует несколько писем к А. Н. Островскому, любезно предоставленных редакцией «Литературного наследства» (орган Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР). Издательство «Наука» подготовило к печати новый том «Литературного наследства» (в двух книгах), посвященный А. Н. Островскому в связи с его 150-летием. Значительную часть тома составляют публикации неизданных материалов из архива писателя. Несмотря на то, что наследие Островского изучено достаточно хорошо и архивные материалы выявлялись и печатались систематически, в «Литературном наследстве» впервые публикуется

150 лет
со дня
рождения
А. Н. ОСТРОВСКОГО

АДРЕСОВАНО ОСТРОВСКОМУ

около 250 писем драматурга к жене (М. В. Васильевой) и другим лицам, и 400 писем, адресованных Островскому. В подготовке тома активное участие принял доктор искусствоведческих наук А. Л. Штейн. Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

Харьков, 29 августа 1860 г.
Милостивый государь Александр Николаевич!
Позвольте принести вам мою душевную благодарность. Ваше участие в постановке «Бедной невесты» имело следствием то, что пьеса была разыграна очень хорошо и она должна долго держаться на репертуаре Харьковского сценического театра.

Данное ваше позволение украсить мою благотворительную афишу вашим именем доставило мне лучший сбор в нынешнем театральном сезоне, битком набит был театр, публика была очень, очень довольна, даме сам Сергей Иванович почти не ругался.

Жаль очень, что вы пробывали у нас мало, мы бы при вас исправились совсем. Ваш приезд в Харьков остался надолго в моей памяти, я думаю также и у моих товарищей.

Августа 30 дня у нас идет по желанию публики «Гроза» и надо полагать, что публики будет много.

Остаюсь истинно преданный вам навсегда.

Ваш покорный слуга Григорий Выходцев.

Августа 31-го везут тело Александра Астафича, мы все собираемся его провожать, будут на проводах печаль и военная музыка.

Тверь, 4 марта 1864 г.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Имею честь уведомить вас, как покровителя своего, — что сезон в Твери открылся благополучно — в ваших пьесах я

Сергей Иванович Турбин — драматург, беллетрист и журналист.
Речь идет об умершем в Харькове, на руках у Островского, великом артисте Александре Евстафьевиче Мартынове.

В КАНУН 1862 года Тургенев писал из Парижа в Петербург Достоевскому: «Чрезвычайно меня интересует «Минин» Островского; пожалуйста, сообщите мне Ваше впечатление. — Новая смелая попытка! — Дай бог, чтобы она увенчалась успехом! — Но если даже и будет неудача, я все-таки уверен, что неудача Островского может быть интереснее удачи многих других. — Поклонитесь ему от меня». Так стоял Островский во мнении лучших людей своего времени — не только как утвердивший себя мастер, но и как надежда. Островский, по его собственному определению, представлял своим творчеством «бытовое направление в драме, выражающееся в очерках, картинах и сценах из народного быта», и, казалось бы, переход от современных сюжетов к историческим не должен был радовать его поклонников. Но русская историческая драма была в упадке. И кто же мог ее поднять, как не лидер отечественной драматургии, даже если нет еще доказательств, что исторический жанр ему близок!

Талант Островского был, таким образом, организуемый силой русского театра, и это понимали все, кроме чиновников из театральной дирекции. Другой автор мог бы написать вдвое больше по количеству, так и не создав нового качества. Островский же каждой новой работой делал вклад не только в программу данного сезона, но и в формирование русского национального репертуара на многие годы вперед. Он сам часто говорил об этом, но он говорил бы об этом реже, если бы мог создавать свою роль только с гордостью, а не с горечью. Его попытки

улучшить театральное дело встречались с равнодушием или с показным сочувствием, не дающим результатов.

Но то, чего не видели или чем пренебрегали начальствующие лица, было ясно людям искусства: Островский — не только великий художник, но и строитель театра, учитель и организатор. Когда Островский говорит, что «все актеры, без различия амплуа, начиная от великого Мартынова, пользовались моими советами и считали меня авторитетом... одним словом, я — прибежище для артистов», то об этом же говорят и публикуемые сегодня в «Неделе» актерские письма. Когда известный русский фольклорист Шейн обращается к Островскому за помощью [а помощь состоит в том, чтобы отдать собранные Островским народные песни тому, кто занимается ими специально], то он потому и рассчитывает на эту помощь, что видит в Островском «первого двигателя» словесности, не просто отдельного писателя, частного лица, а участника и вдохновителя некоего общего дела. Вот и профессор Прахов, издающий вместе со скульптором Микешным журнал художественной иллюстрации, просит Островского «подать руку помощи соседнему искусству, ратующему за те же культурные интересы, что и ваше собственное художество».

Про актера Выходцева, чье письмо вы сегодня прочтете, существует много мемуарных свидетельств анекдотического свойства: был он шумлив, необразован, порол со сцены отселятину, и в мольеровском «Дон Жуане», когда герой проваливался в преисподнюю, Выходцев, игравший Лепорелло, обращался к публике и грозил ей пальцем: «— И всем так будет, кто не хочет к нам в театр ходить».

Словом, прямой персонаж Островского — то ли Аркашка, то ли Шмага, то ли трагик из «Талантов и поклонников», Островский любил изображать таких провинциальных актеров, но к их выходкам и к их беззаботности насчет искусства относился сурово и не прощал им «развязности са-

был всегда на своем месте, преимущественно имел успех в Афионе «Грех да беда», но этот успех зависит от вас, вы сами руководили меня на репетиции в Пассаже в Петербурге прошлого года весной, вы заметили что у меня масса было болезненности и советовали играть как играет Горбунов, а потому здесь я сам создал другой тип, за что был вызываем несколько раз».

При сем имею честь приложить Афишу моего бенефиса. Данные 1 руб. я возвращаю вам с благодарностью.

Позвольте, Александр Николаевич, считать вас своим покровителем в сценическом искусстве. Данных на это поприще у меня много — только надо мне заниматься там, где за счастье считают играть в ваших пьесах, а не там, где ходят на ходулях и без ума от мелодрамных трагедий и вообще всякой рухляди французской.

На днях буду иметь честь представиться лично. Ваш покорный слуга Сергей КАЛУГИН.

18 ноября 1867. Витебск.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Пристилая с января месяца будущего года к печатанию своего сборника великорусских песен (отчасти вам известного) и желая оставить его как можно большим количеством вариантов, я осмеливаюсь напомнить вам обещание, данное вами мне еще два года тому назад: уступить мне из вашего портфеля некоторые записанные вами песни.

Дорожа вашим глубоким уважением мною именем, а особенно вашим ободрительным для меня сочувствием в деле собирания памятников народного самобытного творчества, я в течение долгого времени со дня, когда ожидал исполнения вашего обещания. Вероятно, множество других, не терпящих отлагательства дел замедлили это исполнение. Надеюсь во всяком случае, что вы не отдавали никому другому обещанный мне материал, которого после этого письма еще сильнее, еще нетерпеливее буду ожидать. Я убежден, что слово первого двигателя и творца современной нашей СЛОВЕСНОСТИ стоит твердо и непоколебимо.

Мой адрес: В Витебск, учитель гимназии Павел Васильевич Шейн.

С глубоким уважением и горячим сочувствием вашему творческому вдохновенному слову

Остаюсь покорнейшим вашим слугою П. ШЕЙН.

Самара, 21 сентября 1870 г.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Служа антером на провинциальных театрах и принадлежа к самым жарким поклонникам вашего прекрасного таланта, которому я обязан многими моими успехами на сцене в ваших превосходных пьесах, я бы желал поставить в свой бенефис (как и прежде уже ставил ваши пьесы) вашу новую комедию «Бешеные деньги», но наш постоянный корреспондент суфлер петербургских театров Мозер пишет мне, что без вашего разрешения эта пьеса не может быть выслана для нашего театра, а без цензурированного экземпляра нам здесь не дозволяется играть ни одной новой пьесы.

А потому я и взял на себя смелость беспокоить вас моей покорнейшей просьбой, если можно, дозволить мне поставить в свой бенефис вашу прекрасную комедию; я всегда считал мои бенефисы лучшим праздником для артистов и

много дурного тона». Однако он не только поднимал тосты «за усовершенствование и успехи провинциальных трупп», но и делал что мог для этого усовершенствования. Видно, Выходцеву от него и влетело и был полезный урок: «Жаль очень, что вы пробывали у нас мало, мы бы при вас исправились совсем».

Или Сазонов. По его письму видно, что особой близости с Островским у него не было; более того, он обидел Островского, отказавшись от роли Карандышева [за его отказом я эту роль должен был передать нескладному и нелепому актеру Полонскому, и пьеса потеряла много]; но столько размышлял Островский и об этом актере тоже, столько записал о нем пронизательных замечаний, что ясно, насколько полезна была бы актерам работа под непосредственным руководством драматурга! Кстати же, Островский заметил за Сазоновым, что «он всегда готов сделать удобное начальству, так что, если бы начальство заблагорассудило обратиться к серьезному репертуару, он бы всей душой отдался ему». В бумагах Островского мы находим подробнейшие и высококвалифицированные разборы в с. е. мало-мальски заметных актеров обеих императорских трупп — московской и петербургской.

В эти юбилейные дни Александр Николаевич Островский предстает перед нами и как великий писатель, чье творчество полностью перешло к последующим поколениям, и как великий театральный и общественный деятель [я задаюсь вопросом и захожусь без хорошего театра как рыба без воды. Ясные дни мои прошли, но уж очень долго тьмится ночь; хоть бы под конец-то жизни зарю увидеть, и то бы радость великая], — так заканчивается его автобиографическая заметка, которую он называл исповедью. Вместе с творчеством Островского пролилась к нам и его тоска и тревога о становлении русского театра, и сегодня мы в полной мере можем оценить его роль собирателя творческих сил и преобразователя сцены.

Мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший в мире народ. Ведь школы, из которых выходят Мартыновы и Васильевы, — это радость, это гордость народная!

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

публики, когда мог поставить одно из ваших произведений; и потому смею надеяться, что, если не встретится никаких сильных и не устранимых препятствий, вы доставите мое величайшее наслаждение украсить и нынешний мой бенефис вашим новым произведением.

Примите уверение в моей глубочайшей преданности и всегдашнем уважении, с которыми имею честь быть, милостивый государь, всегда готовый и вашим услугам.

артист Самарского театра Л. ПЛАТОНОВ.

Москва, 20 февраля 1873 г.

Я, любезный друг Александр Николаевич, нашел в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях северной Руси крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались

на возвышенный холм, восхождение солнца, караулили солнце. Во приветствовали радости, давшие песни и любили играть в небо и переливались цветами. Едва горизонты выныли лучами солнца, песню, остальные все ли и пели уже хором. Песен, записанных Терпи

Ой Ладо! Ой Ладо! На к соловей гнездо завывал, с иволга развивал; Ах, хоть ты вей, не вей, соловей! Не будь твоим гнездом в Не летать им по дуброве! Не клевать им яровой Ой Ладо! Ой Ладо!

Е. Соколенко. Терпи, где он слышал эту, случае я полагаю, что пригодна для твоей Сн

Твой Микол

Петербург

Милостивый государь

когда-то

Вы были так добры,

мне налагает на

мне. Это налагает на

обязанность употребить

чтобы пьеса ваша

сколько возможно лучше

актер усвоил себе и

мере своих сил и

которую имел автор.

я беру смелость, нес

срок, назначенный ва

напомнить о себе и

обратиться к вам с по

бой дать мне возмож

ся с пьесой благодар

рее вы мне доставите

буду вам благодарен.

ражение. При подобн

ней, различные силы

ской труппы, а сче

ленно сообщить вам,

лени ролей я вижу за

влетворительного испо

ей стороны, без сомн

тесно поставил меня в

изменениях, которым

ным подвергнуть мой

юсь сообразно с этим

рассчитывающих или

щих участвовать в ва

ведения, и тому, что

но. Такая подготовит

сами, конечно, согласи

на долго, тех артист

обходима. Заохотит

каную ему предлагают

той, на какую он не

блости надлежащее со

талантом и важност

в этом вся тайна дру

При этом я позволю

жаемый Александр

зять одно желание:

пьесы не возлагалась

постороннее, третье

ные роли, по крайней

на долго, тех артист

рым пьесы ваши час

успеха, накого они за

касается до меня, то

водить одна цель: н

долгом подчинить все

шения — это обстоя

ним образом, чтобы и

лось достойным ваше

этим способом могу

зять вам мою благо

доброе внимание и за

рое вы мне делаете, от

свою пьесу.

С глубоким уваже

ностью остаюсь гото

вашим

(антер Александринск

С. Петербург. 3

Многоуважаемый Ал

вич!

[...] Я имел счастье

лишь какие-нибудь д

свежая, оригинальн

речь навсегда остане

я не раз перебираю в

торых мы, когда и бе

седе и чувствую, что

вас лежит во мне жи

вый раз как буду в М

зайдет ль всей веро

жительном времени

воспользоваться ваш

глашением с полней

стью.

Позвольте мне по

ми знакомство пись

вам время, эт време

нужные верующих в

сию искусства, выра

«Пчелы», русской и

А. Н. Островского, по

бы и небольшим прои

тельно придало бы

и его издание, обра

внимание русског

суде научилось пони

ратуру и ее деятель

привыкло придавать

искусству. Вы как ве

глубокий знаток дру

ственной жизни, чув

подать руку помощи

ву, ратующему за те

тересы, что и ваше

ство, и потому счита

возобновлять своих

участии в «Пчеле».

Свидетельствуя сво

ние вашей супруге, ос

давно вас почитающим

Адриан

М. О. Микешин ва

няется.

Казань, Начале

Глубокоуважаемый

ваш!

Вам на первых порах

покажется получить

века, судя по подписи.

А. В. Терещенко —

ратель народных песен

АНО РОВСКОМУ

ей во главе с А. Н. Островским.

был всегда на своем месте, преимущественно имел успех в Афане «Грех да беда», но этот успех зависит от вас, вы сами руководили меня на репетиции в Пассане в Петербурге прошлого года весной, вы заметили что у меня масса было болезненности и советовали играть как играет Горбунов, но я ведь тогда не видел Горбунова, а потому здесь я сам создал другой тип, за что был вызываем несколько раз...

При сем имею честь приложить Афишу моего бенефиса. Данные 3 руб. я возвращаю вам с благодарностью.

Позвольте, Александр Николаевич, считать вас своим покровителем в сценическом искусстве. Данных на это поприще у меня много — только надо мне заниматься там, где за счастье считают играть в ваших пьесах, а не там, где ходят на ходулях и без ума от мелодрамных трагедий и вообще всякой рухляди французской.

На днях буду иметь честь предстать лично. Ваш покорный слуга
Сергей КАЛУГИН.

18 ноября 1867. Витебск.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Приступая к январю месяца будущего года к печатанию своего сборника великорусских песен (отчасти вам известного) и желая обставить его как можно большим количеством вариантов, я осмеливаюсь напомнить вам обещание, данное вами мне еще два года тому назад: уступить мне из вашего портфеля некоторые записанные вами песни.

Дорожа вашим высокоуважаемым мною именем, в особенности вашим обидительным для меня сочувствием в деле собирания памятников народного самобытного творчества, я в течение долгого времени со дня на день ожидал исполнения вашего обещания. Вероятно, множество других, не терпящих отлагательства дел задержали это исполнение. Надеюсь во всяком случае, что вы не отдавали никому другому обещанный мне материал, которого после этого письма еще сильнее, еще нетерпеливее буду ожидать. Я уверен, что слово первого двигателя и творца современной нашей СЛОВЕСНОСТИ стоит твердо и непоколебимо.

Мой адрес: В Витебск, учитель гимназии Павлу Васильевичу Шейну.

С глубоким уважением и горячим сочувствием вашему творческому вдохновенному слову

Остаюсь покорнейшим вашим слугою
П. ШЕЙН.

Самара, 21 сентября 1870 г.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Служа актером на провинциальных театрах и принадлежая к самым жарким поклонникам вашего прекрасного таланта, которому я обязан многими моими успехами на сцене в ваших превосходных пьесах, я бы желал поставить в свой бенефис (как и прежде уже ставил ваши пьесы) вашу новую комедию «Бешеные деньги», но наш постоянный корреспондент-суперлер петербургских театров Мозер пишет мне, что без вашего разрешения эта пьеса не может быть выслана для нашего театра, а без цензурованного экземпляра нам здесь не дозволяется играть ни одной новой пьесы.

А потому я и взял на себя смелость беспочвенно вас моей покорнейшей просьбой, если можно, дозволить мне поставить в свой бенефис вашу прекрасную комедию; я всегда считал мои бенефисы лучшим праздником для артистов и

Мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший в мире народ. Ведь школы, из которых выходят Мартыновы и Васильевы, — это радость, это гордость народная!

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

публики, когда мог поставить одно из ваших произведений; и потому смею надеяться, что, если не встретится каких-либо сильных и не устранимых препятствий, вы доставите мое величайшее наслаждение украсить и нынешний мой бенефис вашим новым произведением.

Примите уверение в моей глубочайшей преданности и всегашнем уважении, с которыми имею честь быть, милостивый государь, всегда готовый и вашим услугам

артист Самарского театра
Л. ПЛАТОНОВ.

Москва, 20 февраля 1873 г.

Я, любезный друг Александр Николаевич, нашел в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались

«СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ». Подхализин — П. М. Садовский. Респольденский — В. А. Маншев. 1869 г.

«ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ». Курслепова — Ф. В. Шевченко. МХАТ. 1926 г.

«СНЕГУРОЧКА». Н. Н. Ходотов в роли Леля. 1907 г.

на возвышенный холм и там ожидали восхождение солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и пловались, как оно играет в небе и переливается разными цветами. Едва горизонт освещался первыми лучами солнца, запевала начинала песню, остальные все вдруг подхватывали и пели уже хором. Вот одна из таких песен, записанная Терещенко.

Ой Ладой Ой Ладой На кургане
Соловей плаздой завывает,
А иволга развывает,
Хоть ты вей, не вей, соловей,
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим детям вывожатому,
Не летать им по дуброве,
Не клестать им яровой пшеницы.
Ой Ладой Ой Ладой

И сожалению Терещенко не упоминает, где он слышал эту песню. Во всяком случае я полагаю, что эта песня будет пригодна для твоей Снегурки.

Твой Микола ДУБРОВСКИЙ.

Петербург. Июль 1874 г.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Вы были так добры, что обещали дать мне на бенефис ваше новое произведение. Это налагает на меня приятную обязанность употребить все старания, чтобы пьеса ваша была обставлена сколько возможно лучше, и чтобы найдший актер усвоил себе и переложил на меру своих сил и способности мысль, которую имел автор. Вследствие этого, я беру смелость, несколько опередив срок, назначенный вами (вы позволили напомнить о себе в половине августа), обратиться к вам с покорнейшей просьбой дать мне возможность ознакомиться с пьесой заблаговременно. Чем скорее вы мне доставите ее, — тем более я буду вам благодарен. Принявши в соображение, при подобном знакомстве с ней, различные силы нашей петербургской труппы, я счел бы долгом немедленно сообщить вам, в каком распределении ролей я вижу залог наиболее удовлетворительного исполнения. Вы с своей стороны, без сомнения, не откажетесь поставить меня в известность о тех изменениях, которыми признаете нужным подвергнуть мой план; и я постараюсь сообразно с этим подготовить лиц, рассчитывающих или не рассчитывающих участвовать в вашем новом произведении, к тому, что будет вами указано. Такая подготовительная работа, — вы сами, конечно, согласитесь с этим, — необходима. Заохотить актера и той роли, какую ему предлагают, примирить его с той, на которую он не рассчитывал, солистически надлежащее соотношение между талантом и важностью роли в пьесе — в этом вся тайна дружного исполнения. При этом, я позволил бы себе, многоуважаемый Александр Николаевич, выразить одно желание: чтобы постановка пьесы не возлагалась на какое-нибудь постороннее, третье лицо; и чтобы главные роли, по крайней мере, не выпали на долю тех артистов, благодаря которым пьесы ваши часто не имели того успеха, какого они заслуживали. Что же касается до меня, то мною будет руководить одна цель, — которой я считаю долгом подчинить всякие личные отношения — это обставить вашу пьесу таким образом, чтобы исполнение ее явилось достойным вашего таланта. Только этим способом могу я посылить выразить вам мою благодарность за ваше доброе внимание и за одолжение, которое вы мне делаете, отдавая мне в бенефис свою пьесу.

С глубоким уважением и преданностью остаюсь готовый и услугам вашим

Н. САЗОНОВ
(актер Александринского театра).

С. Петербург. 3 февраля 1877 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

...Я имел счастье провести с вами лишь какие-нибудь два часа, но ваша свежая, оригинальная и пластическая речь навсегда останется в моей памяти, я не раз перебираю все те вопросы, которых мы, хотя и бегло, касались в беседе и чувствую, что все слышанное от вас лежит во мне живым зерном. Первый раз как буду в Москве, а это произойдет по всей вероятности в непродолжительном времени, я позволю себе воспользоваться вашим радужным приглашением с полнейшей бесцеремонностью.

Позвольте мне пока продолжать с вами знакомство письменно, напоминая вам время и времени о небольшом кружке верующих в культурную миссию искусства, выражающем себя в «Пчеле», русской иллюстрации, Илья А. Н. Островского, подкрепленное хотя бы и небольшим произведением, значительно придало бы всему этому кружку и его изданию, обратив на это издание внимание русского общества, которое уже научилось понимать и ценить литературу и ее деятелей, но далеко еще не привыкло придавать серьезное значение искусству. Вы как великий художник и глубокий знаток пружин личной и общественной жизни чувствуете, как важно подать руку помощи соседнему искусству, ратующему за те же культурные интересы, что и ваше собственное художество, и потому считаю неделикатным возобновлять своих просьб о вашем участии в «Пчеле».

Сидетьствуя свое нижайшее почтение вашей супруге, остаюсь глубоко и давно вас почитающим и преданным

Адрианом ПРАХОВЫМ.

М. О. Минешин вам усердно кланяется.

Казань. Начало марта 1886 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич! Вам на первых порах, конечно, странно покажется получить письмо от человека, судя по подписи, вам совершенно

А. В. Терещенко — этнограф, собиратель народных песен.

«ЛЕС». М. И. Писарев в роли Нещина. 1874 г.

«ГРОЗА». Варвара — Н. А. Никулина, Кудряш — К. Н. Рыбаков. 1873 г.

«ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА». Васильса — Г. Н. Федотова.

не знающего, но это только, говоря я, на первых порах, — потрудившись же прочтати, вы, наверное, не найдете в этом ничего странного. Дело вот в чем. У меня есть и зам большая просьба, исполнить которую для вас, собственно говоря, ничего не стоит: вы только потеряете минут десять — не более, а между тем мне этим окажете большую услугу. В одной из последних ваших комедий, именно в «Без вины виноватые», меня чрезвычайно заинтересовала личность Незнамова и, несмотря на неоднократное прочитывание этой пьесы, несмотря на довольно пыльное воображение, я не в силах вызвать в уме своем его образ. Задумываясь над ним, напрягая воображение, я добивался того, что фигура его начинала обрисовываться как бы в тумане, вот кажется, все яснее и яснее обозначается его образ, еще немного и он, как живой, станет предо мной; — но туман, закутывающий его, начинает сгущаться, желаемый образ распадается все более и более и, наконец, исчезает... Во всякой пьесе я могу нива представить себе всякое действующее лицо, если только оно не чересчур уныло бледными красками окрашено: вижу его фигуру, походку, жесты, выражение лица, даже голос слышу, — но не могу того же сказать о Незнамове: образ его мой не улавливается, он для меня загадка. Мовет — и даже наверное, — это объясняется тем, что с подобными личностями мне не приходилось встречаться; но так ли, иначе ли, а Незнамов, лишив меня покоя, измучил меня, — поэтому я и обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой вывести меня из этого скверного положения, помочь мне познать Незнамова или, вернее, увидеть его. Собственно намерен претингования для меня служит второй акт, приход Незнамова к Кручинной, его разговор с ней до начала объяснения, по поводу ее заступничества за него. Будьте так добры, черкните две-три строки и объясните мне, как ведет Незнамов этот, по-видимому, ничего не значащий, но между тем очень важный для характеристики его, разговор с Кручинной и как он держит себя, — какой вообще его вид: згинувшая ли у него назад голова с вызывающим взглядом, устремленным постоянно на собеседника, и с саркастической улыбкой на губах, порывистые нервные движения в конечностях и такая же походка, или он с медленной по-

Русские авторы желают пробоовать свои силы перед свежей публикой, у которой нервы не очень податливы, для которой требуется сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры. Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы... драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

Мой — нация молодая; никакие национальные предубеждения не ослепляют нас, и мы открытыми глазами смотрим и открытой душой воспринимаем великие создания великого поэта. Пусть самые совершенные произведения драматические написаны англичанином, пусть эти произведения достойно воспроизводит перед нами итальянец; но тут — красота, сила и правда, и мы высоко чтим поэта-творца, артиста-исполнителя. Искусство единит народы и роднит.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

[Речь на обеде в честь Эрнесто Росси — итальянского актера, выступавшего в шекспировских ролях].

П. ДЯКОНОВА.

Р. С. На ответ прилагаю вам почтовую марку. Адрес мой: г. Казань, Университет. Студенту медицине II курса — Павлу Константиновичу Дьяконову.

Я бы не стал беспокоить вас, но точного ответа на эти тревожные для меня вопросы получить мне не от него, да и кто же может лучше самого автора понимать его детичей?

* Павел Константинович Дьяконов (1862—1935) — в будущем известный провинциальный актер. В то время, как явствует из письма, студент-медик II курса Казанского университета. Ему предстояло играть в студенческом спектакле роль Незнамова («Без вины виноватые»). Между участниками спектакля шел спор о характере образа, что и вызвало появление данного письма.

Несмотря на крайнюю загруженность, плохое состояние здоровья и волнения по поводу предстоящего назначения на пост руководителя московскими театрами (см. письмо к брату XVI. 151—160), драматург счел необходимым сразу же 12 марта 1885 г. — послать ответ Дьякову с обстоятельной характеристикой образа Незнамова.

Публикация Е. С. МЯСНИКОВОЙ, Е. В. ФИЛИПОВОЙ, Л. А. ГУЗОВСКОЙ.